

МАША ТРАУБ

Дневник мамы
первоклассника

Маша Трауб

Дневник мамы первоклассника

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=281702

Дневник мамы первоклассника / Маша Трауб: Эксмо; Москва; 2014

ISBN 978-5-699-72208-2

Аннотация

Пока эта книга готовилась к выходу, мой сын Вася стал второклассником.

Вас все еще беспокоит счет в пределах десятка и каллиграфия в прописях?

Тогда отгадайте загадку: «Со звонким согласным мы в нем обитаем, с глухим – мы его читаем». Правильный ответ: «дом – том». Или еще: «Напишите названия рыб с мягким знаком на конце из четырех, пяти, шести и семи букв». Мамам – рыболовам и биологам, которые наверняка справятся с этим заданием, предлагаю дополнительное. «Даны два слова: «дело» и «безделье».

Прочитайте пословицу». Интернетом пользоваться нельзя. И книгами тоже. Ответ: «Маленькое дело лучше большого безделья». Это проходят дети во втором классе. Говорят, что к третьему классу все родители чувствуют себя клиническими идиотами.

Содержание

Первая четверть	4
28 августа	4
1 сентября	13
3 сентября	24
4 сентября	31
5 сентября	38
7 сентября	43
11 сентября	48
14 сентября	52
15 сентября	56
18 сентября	60
19 сентября	63
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Маша Трауб

Дневник мамы первоклассника

Первая четверть

28 августа

Первое родительское собрание

Позвонили два дня назад.

– Алле?

– Это квартира Т.?..

– Да.

– Это родительница. Собрание в школе в четыре. Явка обязательна.

Пришла на десять минут раньше, но в классе уже сидели мамы и один папа.

Первую парту – напротив учительского стола – заняли две женщины, судя по всему, подруги. Обе лихорадочно писали в блокнотах. Было понятно, что именно они станут активистками еще не созданного родительского комитета. Следую-

щую парту у окна заняла мама в очках. Строгая, костюмная, с туго натянутой спиной. Она выключила мобильный телефон, выложила на парту тетрадку, ручку, подровняла, чтобы они располагались строго перпендикулярно, сложила руки лесенкой и стала смотреть на доску. На доске ничего интересного не было. И неинтересного тоже не было. Но женщина не отрывала взгляда от пустой доски.

Единственный мужчина сидел на задней парте. Я села в середине и чувствовала себя некомфортно. Я-то всегда сидела на галерке – с хулиганами и двоечниками. И даже не мечтала, что меня когда-нибудь пересадят хотя бы в середину. У нас эти места занимали «вставшие на путь исправления» обитатели задних парт. Я крутилась, никак не могла усестись, роняла ручку, телефон, на всякий случай улыбалась родительницам с первой парты, оглядывалась на мужчину. Но ради сына, Василия, решила терпеть. А вдруг решат, что он – сын двоечницы и хулиганки?

Пока все собирались, наша первая учительница – Светлана Александровна – ковыляла по классу. Она сломала ногу перед самым началом учебного года. Самое обидное, что сломала на пороге родной школы, на лестнице. К гипсу была приделана квадратная дощечка – для опоры. Как у японских гейш на вьетнамках. Я сидела и думала – странно, что никто не изобрел удобную дощечку для гипса. А еще о том, что в жизни все повторяется. И первая учительница, и родительская паника, и даже гипс.

Только вчера муж рассказывал, что у его первой учительницы была сломана рука – она ходила с такой страшной треугольной распоркой. Ее боялись все ученики. А некоторые, мой муж, например, не верили, что эта перемотанная мумия с деревяшками под мышками, которая разворачивается всем телом, может быть учительницей. Эту несчастную женщину к тому же звали неудачно – Инна Яновна. Немыслимое для первоклашки сочетание букв. Муж говорил, что все звали ее Инянна, а иногда Янинна. И никто точно не помнил, как правильно, потому что учительница отзывалась на оба имени. Распорку не снимали долго и через некоторое время, по воспоминаниям мужа, все дети дружно втягивали головы в плечи, стоило Инянне показаться на горизонте. Что неудивительно – все по очереди получили этой конструкцией по голове, пока не научились уворачиваться. Муж, кстати, до сих пор уверен в том, что есть люди, точнее, женщины, у которых глаза на затылке. Их Инянна, не поворачиваясь, знала, кто болтает, кто списывает, кто в окно смотрит.

А моя первая учительница с красивым именем Роза шамкала из-за отсутствия зубов. Ей не успели вставить к 1 сентября новую челюсть. Мы ее тоже боялись, потому что не понимали, что она говорит. Вообще не понимали, чего она хочет.

– Шдраст, шежи, меня шовут Шожа Ивашовна, – говорила моя учительница. – Повштожите.

Мы сидели и молчали. Тогда Роза Ивановна написала на

доске свое имя, но в те годы первоклассники в лучшем случае должны были знать буквы, а читать умели только гении. Новые зубы Роза Ивановна получила к концу первой четверти. Но протез ей, судя по всему, мешал, и с дикцией учительницы перемен не произошло. Как шамкала, так и шамкала, только немного по-другому. Главное, мы ее понимали.

Так вот Васина первая учительница Светлана Александровна проковыляла к шкафу достать какие-то рулоны. Мешал шкаф.

– Папа, можно вас? Помогите отодвинуть, – попросила учительница единственного мужчину в классе.

Вышедший папа тоже, видимо, осуществил несбыточную мечту, сев на заднюю парту. Ни на хулигана, ни на прогульщика, ни на двоечника он никак не тянул. Такой subtilный сутулый интеллигентный юноша – мечта физрука. Я представила, как этот папа, когда был мальчиком, болтался на перекладине и пытался сделать подъем с переворотом, а физрук его называл «глистой» или «сосиской» и все дружно ржали.

В общем, я пожалела, что не села к этому папе на заднюю парту для моральной поддержки. Представляете, каково это – на глазах двадцати баб пытаться сдвинуть шкаф? Женщины, поджав губы, смотрели, папа потел, шкаф не двигался.

– Ладно, – выкарабкалась из-за парты женщина в бейсболке со стразами и мощной грудью, тоже усыпанной стразами. – Вы тут про ремонт будете говорить и про деньги. Могу

дать пять тыщ. – Родительница клацнула кошельком со стразами. – Муж у меня – сантехник, – продолжала она, – он вам тут и батареи, и раковины поменяет. Все, я пошла. Звоните.

Счастливая жена сантехника, которой тут же заулыбались активистки родительского комитета, подошла к шкафу, легонько толкнула плечом – шкаф сдвинулся. Опозоренный папа под взглядами сорока женских глаз понуро вернулся на свою заднюю парту и затих.

– Спасибо, – сказала ему Светлана Александровна.

– Не за что, – честно ответил папа.

Наконец собрание решили начать. Светлана Александровна поздравила нас с нашими детьми-первоклассниками и выразила надежду, что мы станем одной большой семьей. На этом торжественная часть закончилась, и все стали задавать насущные вопросы: сколько тетрадей сдавать, во сколько приводить, во сколько забирать...

– А можно в джинсах ходить? – спросила я, когда разговор перешел на школьную форму.

Вообще-то нужно было заказать школьную форму. Но я про это забыла. Скорее, забыла сознательно, потому что представить своего сына в пиджаке с огромными накладными плечами не могла, как ни старалась. Опять же из опыта я знала, что форменные брюки продержатся максимум два дня. А джинсы меня еще никогда не подводили.

– Да вы что? – возмутилась строгая родительница со второй парты. – Какие джинсы? Ясно же всем сказали – фор-

ма обязательна. Вот моя дочка, – обвела она взглядом родительниц, – только в белых блузках ходит. Даже на прогулку. Ей очень идет. А можно в парадной форме каждый день ходить? – спросила она учительницу.

– Можно. Но, поверьте моему опыту, вам это быстро надоест, – ответила Светлана Александровна.

– А почему здесь стены такие зеленые? – спросила тихая испуганная женщина с первой парты у стены.

– Замечательный вопрос! – воскликнула одна из активисток. – Я предлагаю перекрасить в персиковый. Кто за персик?

Все подняли руки.

– По сколько сдавать? – обреченно спросила испуганная женщина.

– Ну, давайте по пять тысяч... Считайте сами – ремонт, туалетная бумага, карандаши семьдесят штук, цветы в горшках...

– А если мы уже сделали ремонт, нам все равно сдавать? – уточнила женщина.

– Где? – удивилась активистка и посмотрела по сторонам.

– Понимаете, мой муж подошел к завхозу и спросил, где делать ремонт. У него, у мужа, бригада и машина. Вот в соседнем классе сделали. Мы же не знали, что в этом нужно. Сказали, что в том надо, – тихо ответила родительница.

– А инициатива всегда наказуема, – сказала активистка. – Товарищи родители, подумайте, кто еще чем может помочь?

Все дружно вжали головы в плечи и стали рассматривать собственные блокноты, ручки и телефоны.

– Так, – обвела взглядом класс активистка, – мы сейчас пустим по классу листочек, где каждый напишет, кто как будет помогать.

Я вспомнила свою знакомую Юлю, которая тоже была мамой первоклассника. В пущенном по классу листочке она написала: «Могу помочь материально. Только немного. Мне еще за квартиру платить».

– Нужны бейджики, – сказала Светлана Александровна, – с именами детей. Пока я не запомню. Фамилии писать не обязательно. И нашейте метки на одежду или подпишите – теряют. Да, купите своим детям обувь на липучках. Чтобы мы не мучились со шнурками. Ведь не умеют завязывать.

– А все подписывать? – спросила еще одна мама.

– Все, что только можно. Все равно потеряют. Даже портфели теряют, – сказала Светлана Александровна. – Обязательно подпишите мешки со сменкой. Сами покупаете одинаковые, а дети потом мучаются.

– А что должно быть в портфеле? – спросила меня шепотом мама, которая сидела справа.

– Я прослушала, – тихо ответила я.

– Спросите у соседки, – шепнула мама.

– А что должно быть в портфеле? – спросила я у родительницы слева.

– Четыре тетради, ручки, карандаши, – прошептала сосед-

ка.

– Пеналы должны быть мягкие, – говорила учительница, – чтобы не гроыхали. Я понимаю, они красивые, но меня тоже поймите: когда двадцать пять человек трясут пеналами, хоть в окно выпрыгивай. И еще, поднимите руки, у кого неполные семьи. Надо для социальной помощи.

Все переглянулись. Руку подняла только одна родительница. Как раньше все буравили взглядом сублиного папу, так сейчас все уставились на мать-одинокку. Женщина наверняка хотела залезть под парту или выйти из класса, крикнув: «Вы все идиоты» и громко хлопнув дверью. Я, во всяком случае, именно так и делала на уроке математики, когда математичка стояла надо мной и говорила: «Ей что икс, что игрек, одинаково равно. Как же ты жить будешь? Что из тебя выйдет? Икс из тебя выйдет». Только в старших классах я узнала, что именно математичка – страстная и виртуозная матерщинница – подразумевала под иксом.

– Ну, вы можете меньше денег сдать, – нарушила молчание активистка.

– Я хорошо зарабатываю, – ответила мать-одинокка, и все опять посмотрели на нее уже с завистью. Молодая, красивая, хорошо зарабатывающая свободная женщина...

– А что будет дальше? – спросила еще одна родительница. – Когда каникулы? Будут ли экзамены? А оценки будут ставить?

– Давайте по мере поступления, – тяжело выдохнула Свет-

лана Александровна. – Мне бы до седьмого сентября дотянуть – гипс снимают. В этот день разрешаю не приходить в школу. А с двадцать третьего у меня реабилитация – грязи, массаж. Будет замена. Не волнуйтесь, учительница хорошая. План я ей напишу. Но все-таки контролируйте.

– Как именно контролировать? – спросила активистка и приготовилась записывать.

– Ну, спрашивайте у детей, все ли в порядке, – сказала учительница. Активистка, как мне показалось, даже расстроилась.

Когда учительнице моего мужа снимали растяжку, они тоже не учились. И когда моей учительнице вставляли зубы, мы гуляли. Нам все завидовали, а мы рвались в школу. Мужа оставляли с соседской бабушкой, которая заставляла его держать нитки на руках, пока она сматывала клубок. И нельзя было руки опускать, потому что бабуля хватала свою палку с резиновым набалдашником и больно била мужа по ляжке. Меня тоже оставляли с соседкой. Медсестрой, которая на дому прокалывала уши. Анастезией служило то, что приносили клиентки, – коньяк, молдавское вино, портвейн, стерилизатором – спирт медицинский, а инструментом – игла из швейной машинки «Зингер». Муж до сих пор старается держаться подальше от умеющих вязать женщин. А я хорошо помню вечно пьяную соседку и женщин с заклеенными пластырем ушами.

1 сентября

Первый раз в первый класс

Школа рядом. Я засекала – идти ровно две минуты. В восемь пятнадцать нужно было стоять в школьном дворе под табличкой «1А». Муж разбудил меня в семь. Сам встал в половине седьмого.

– Почему так рано? – спросила я.

– Пока умоемся, пока позавтракаем. Вставай.

– А может, ты его отведешь, а я попозже приду?

– Ты что? Как ты можешь такое говорить? У нас сын в первый класс идет!

– Все равно все опоздают, – бубнила я, выползая из кровати.

– Вася, вставай, ты же не хочешь опоздать в школу? – пошел будить сына муж.

– Хочу, а можно? – спросил Вася, закрываясь с головой одеялом.

– Нельзя. Ты же в первый класс идешь! – воскликнул муж.

– А завтра в первый класс можно? – сделал еще одну попытку сын.

– Нет, сегодня же праздник! – как-то с надрывом воскликнул муж.

Вася встал и сонно поковылял до окна. Шел дождь, было пасмурно.

– Там еще никто не идет, – сказал Вася, – разбуди меня, когда там дети пойдут. – Сын бухнулся опять в кровать.

– Все дети давно встали, умываются, одеваются, завтракают... – выступал муж с пламенной речью, – потом они нарядные пойдут в школу! Ты запомнишь этот день на всю жизнь! Такое только раз в жизни бывает!

– Ты что, нервничаешь? – спросила я ласково мужа.

– Я? Нет! Я не нервничаю!!! – заорал муж.

– А мультики? – уточнил Вася.

– Какие мультики? Иди принимай душ, – строго сказал отец и достал из шкафа еще одну рубашку. Три штуки уже висели на стуле, но он, видимо от волнения, забывал, что их достал.

– Можешь просто умыться и зубы почистить, – сказала я сыну.

– Вот, начинается! – Муж грозно ткнул в меня пальцем. – И это только первое сентября. А что дальше будет? Он будет выходить в последний момент, неумытый, кое-как одетый! В душ, Вася. В душ!

Сын хотел спать, поэтому не стал спорить.

В ванной он включил воду, прислонился к бортику и заснул с зубной щеткой во рту.

– Вася, мы же опоздаем! – ворвался в ванную муж.

– Куда? – испуганно спросил ребенок.

– В школу. – Муж очумело смотрел на сына. – Так, вылезай, надевай домашнюю одежду.

– Можешь просто майку и трусики пока надеть, – сказала я сыну.

– Почему? – возмутился муж. – Он что, будет в трусах завтракать?

– Нет, давай он будет пять раз переодеваться в полвосьмого утра, – сказала я, надеясь достучаться до здравого рассудка мужа.

– А в чем он пойдет в школу? – спросил меня муж.

– В штанах, рубашке и куртке, – я начинала злиться, – там все давно приготовлено. Еще с вечера, как ты любишь.

– А что ты сердишься? Я просто спросил.

Сели завтракать. Я даже нашла мультики по телевизору. Муж закатывал глаза, заламывал руки.

– Это не дело, нельзя перед школой смотреть мультфильмы, мы так никогда не выйдем, – прокомментировал он. – Ладно, сегодня можно.

– Ты же сам наверняка завтракал подо что-то, – сказала я заполошному мужу.

– Я завтракал под «Пионерскую зорьку»! Под радио, а не под телевизор!

– А я завтракала под Пугачеву на пластинке... – вспомнила я.

– А зорька и Пугачева – это кто? – спросил сын. – А пластинка – это что? А пионерская – это какая?

– Вася, доедай, я тебе потом все объясню, – сказала я.

– Нет, все-таки под телевизор нельзя, – стоял на своем

муж.

– Хорошо, давай ему «Эхо Москвы» включим или диск с классической музыкой поставим, тогда он точно до школы не дойдет – уснет за столом...

– Я же о другом говорю... Я же не против... просто мультики можно и в другое время посмотреть!

– Отлично. Давай ребенок будет завтракать под «Евроньюс»!

Вася, пока мы препирались, уснул.

– Вася, ты помнишь, в каком классе ты будешь учиться? – разбудил его вопросом муж.

– В первом «А», – устало ответил ребенок. Этот вопрос муж задавал ему каждый день, думая, что если сын пойдет в другой класс или забудет букву, то случится что-то страшное. – А когда я буду учиться в первом «Б»? – спросил Вася.

– Никогда. Всегда будешь учиться в первом «А», – сурово сказал муж.

Вася зарыдал. Я бросила тушь, которой пыталась накрасить ресницы, чтобы не попасть спросонья в глаз, и побежала выяснять, что случилось. Ребенок рыдал и кричал, что он не хочет всю жизнь учиться в первом «А». Муж скакал вокруг сына и говорил, что он не то имел в виду, не так выразился.

– А мама мне рассказывала, что она и в «А» училась, и в «Б», и даже в «Д» классе, – всхлипывал Василий, – а бабушка сказала, что моя мама вообще потом не училась, а валялась с книжкой и даже завтракала в постели. И в школу ходила

два раза в неделю. И что все равно она самая умная была.

– Маша, – подошел ко мне муж, – скажи нашей бабушке, чтобы она не рассказывала внуку про... про...

– Про что?

– Про все! Ему еще рано это знать!

Я успокоила Васю, пообещав ему все буквы на свете.

– Вася, а как зовут твою первую учительницу, помнишь? – опять пристал к сыну муж.

– Помню, – ответил Вася и задумался.

– Ну?

– Александра Светлановна.

– Может, все-таки Светлана Александровна?

– Может быть, – легко согласился Вася.

– Маша, а им покажут, где там туалет? – обратился муж ко мне.

– А как ты думаешь?

– А у них там будут шкафчики для одежды?

– Нет, крючки будут.

– А почему не шкафчики?

– Слушай, отстань, а?

– А они будут руки перед завтраками мыть? А на переменах за ними будут следить? А у них есть дежурный врач на случай, если Вася упадет или ударится?

И тут до меня дошло – муж просто боится идти в школу. Он нервничает, поэтому орет все утро. Мне его даже жалко стало. С другой стороны, я тоже нервничаю, но не ору же.

– Пожалуйста, успокойся, – попросила я мужа, – ничего страшного, быстро сходим, вернемся. Я буду тебя за руку держать, чтобы ты не боялся.

Я помогла сыну одеться – белая наглаженная рубашечка, брюки, новые ботинки.

– Маша, посмотри, у него же все лицо в шоколадном йогурте, – сказал муж, – надо умыться.

Вася двумя привычными движениями – белыми рукавами рубашки – стер остатки йогурта.

– Вася! – в панике заорал муж.

– Ничего, все равно в куртке, не видно, – махнула рукой я.

– Как это не видно? Вы что, совсем уже? – Муж чуть в обморок не свалился. – Надо переодеваться. Срочно. У нас есть запасная белая рубашка? Почему у нас нет запасной белой рубашки?

Я тем временем уже успела переодеть сына в чистую рубашку. Мы стояли в прихожей. Вася держал белые хризантемы.

– Пойдем, пойдем, – торопил сын.

– Сейчас. Я еще не готов, – отвечал муж, который встал раньше всех и собирался тоже дольше всех. Он один раз снял ботинки и пошел за мобильным телефоном в комнату, потом ходил за ключами, потом за носовым платком...

– Не волнуйся ты так, – сказала я.

– А я и не волнуюсь! – заорал муж.

Во дворе школы толпились дети с родителями. Собира-

лись, как я и думала, минут сорок. Детей построили по парам и сказали, что сейчас пойдем. Через десять минут еще раз построили. И еще через десять минут.

– Мама, – закричал мальчик, – у меня букет тяжелый! Можно я его уже отдам учительнице?

– Нельзя, – сказала мама.

– Вот же учительница. Пусть возьмет и сама держит. А то я больше не могу, – возмутился мальчик.

– Рано, – ответила мама.

– Посмотрите, у меня глаз нормальный? – обратилась ко мне другая родительница.

– Да, все в порядке, – ответила я.

– А то букетом в глаз попали, – пояснила она. – Ой, смотрите, девочка в гольфиках. У нее же ноги синие и в пупырышках. Мамаша с ума, что ли, сошла? Я на своего колготки надела. Холодно же.

А дети тем временем не могли оторвать взгляд от гипса учительницы. Из гипса торчали посиневшие от холода пальцы с красным педикюром.

– Сколько еще здесь стоять? – спросил мальчик у всех взрослых сразу. Он держал за руку девочку, которая сладко спала стоя. Ровненько стояла и спала, прижавшись щекой к букету. Глядя на нее, я тоже начала позевывать. – Я не хочу стоять, я хочу уже в класс, почему мы не идем? – возмущался мальчик.

– Видишь, все стоят, никто не ноет, – попыталась подбод-

рить его мама.

– Ну и что? А я буду нить. Я посидеть хочу.

– Перестань себя так вести.

– Не перестану. Все, я пошел сам. – Ребенок отцепился от спящей девочки. Та открыла глаза, поморгала и опять заснула.

– Ладно, – сдалась мама мальчика, – потерпи еще немного, а потом мы пойдем в детский магазин покупать тебе подарок. Договорились?

– Большой? – уточнил мальчик.

– Средний.

– Я тоже хочу подарок, – сказал Вася.

– И я хочу, – проснулась девочка.

– И я, и я, – пронеслось по шеренге.

– Будет, все будет, – дружно зашипели мы, мамы.

– А подарки каждый день после школы будут? – уточнил тот мальчик.

– Нет, не каждый, – сказала мама.

– А почему?

– Потому что подарки дарятся только по праздникам.

– А когда следующий праздник?

– Когда ты школу закончишь, – ответила мама и, подумав, добавила: – на одни пятерки и четверки.

Дети этот диалог слушали внимательно.

– А сколько еще учиться? – спросил Вася у мамы мальчика.

– Долго. Одиннадцать лет, – ответила мама.

Мы сделали большие глаза, потому что дети глубоко задумались и неизвестно, чем это могло закончиться. Нам уже надоело выстраивать их по парам.

– Когда вы закончите первый класс, мы вам тоже сделаем подарки, – сказала другая родительница, предотвратив нытье и скандал.

– Надо было бабушку с дедушкой позвать, – сказала я мужу, – все с родственниками.

Там действительно была одна девочка из другого класса, вокруг которой толпилось человек пятнадцать. И всем находилось дело – они вытирали ей рот, поправляли бантики, забирали и отдавали букет, фотографировались по отдельности и все сразу.

– Не надо бабушку, – сказал муж, – она бы... я даже боюсь подумать, что бы она сделала.

– Что?

– Как минимум напоила бы всех родительниц шампанским, накормила бы детей беляшами или пирожками, устроила бы танцы и вышла замуж за завхоза. И это только навскидку, – перечислил муж, – а потом они бы все пошли к нам пить кофе с коньяком.

– Выпить бы сейчас, – сказала родительница.

– И закусить. Я позавтракать не успела, – ответила ей другая мама.

– Еще на работу ехать, – понуро заметила первая.

Наконец пошли. Линейка прошла мирно и быстро – накрапывал дождь. Выпустили белых голубей, которых дети не заметили. Все мамы спрашивали: «Голубей видели?» Дети говорили, что никаких голубей не было. Зато все заметили, как в окне застряли воздушные шарики. Там их выпускали из двух открытых окон. Одна учительница выпустила, а у другой шарики никак не улетали. Она их и так выпихивала, и сяк. Дети не хотели, чтобы шарики улетали в небо, поэтому расстроились. А сонная девочка даже расплакалась.

Пронесли девочек с колокольчиками. Один мальчик-выпускник пробежал дистанцию почти бегом – ему досталась крупненькая первоклассница. Она изо всех сил трясла колокольчиком, подпрыгивая на плече длинного и тощего юноши.

Линейку быстро свернули – все замерзли. Потом первоклассников разобрали одиннадцатиклассники и повели назад в школу. Я фотографировала, поэтому услышала, как девочка-выпускница говорит Васе:

– Давай ручку, бедненький... Ты еще не знаешь, что тебя ждет.

– А ты меня будешь ждать? – спросил Вася.

– Нет, не буду, – сказала она.

– Жаль. Я бы тебе свою комнату показал, – сказал Вася.

Детей увели в класс. Мы ждали во дворе.

– Он в туалет, интересно, не хочет? – спросил муж.

– Не знаю, – ответила я.

– А он запомнит этот день? – Муж уже расслабился и был настроен лирически.

– А ты помнишь?

– Помню, что мой друг Мишка был в белом берете. И мы бежали быстрее всех, чтобы занять первую парту, а нас все равно рассадили. Больше ничего не помню.

– Вася, ты с кем сидел, с мальчиком или с девочкой? – спросила я, когда сын вышел из школы.

– Не помню, – ответил Вася. – Пошли в магазин за подарком?

3 сентября

Первый полноценный учебный день

Встали относительно легко. Относительно – это про меня. Никогда не хотела быть учительницей в школе. Даже в первом классе не хотела. Хорошо, что муж согласился отводить Васю. Ему-то хорошо – не нужно рисовать глаза, чтобы они хотя бы выглядели открытыми. И круги под глазами не надо замазывать.

– Надо было вчера лечь пораньше, – сказал муж, когда я жарила ребенку яичницу. Яйцо разбила мимо сковородки и обожглась.

– Надо было, – сказала я.

В двенадцать ночи я вспомнила, что родители должны были подписать тетради. Не просто подписать, а красиво. Я, конечно, забыла.

– Подпиши тетради, – попросила я мужа, – у тебя почерк красивый.

– Сама подписывай.

Мне понравилось подписывать. Это такой ажиотаж начала года – сначала красиво, высунув от старания язык, заполняешь дневник, а потом забрасываешь его куда подальше. А еще я помню, как учебники оборачивали в бумагу – раскладываешь лист, сгибаешь, разглаживаешь, переворачиваешь. И сверху, по голубому листику-трафарету пишешь, ка-

кой учебник. Давно забытый навык. Кстати, мне он очень в жизни пригодился – я, например, очень хорошо подарки упаковываю. Да, в двенадцать ночи воспоминания нахлынули – про прозрачные обложки-пленки для тетрадей, про пеналы на магнитах, про первые дипломаты вместо портфелей. Но это уже в старших классах. У нас не только мальчики, но и девочки с дипломатами форсировали...

Так вот, я заодно подписала мешок для сменки и куртку. Еще я хотела подписать сменные ботинки, но впала в ступор – оба подписывать или только один?

Утром муж отвел сына в школу. Вернулся.

– Ну как? – спросила я.

– Нормально. Только я назвал учительницу Александра Светлановна.

– Как это?

– Да прицепилось. От Васи. Так и сказал: «Здравствуйте, Александра Светлановна». Может, она не услышала?

Я должна была забрать. Рано, в 11 утра. Начала собираться в десять. Пришла на полчаса раньше.

Во дворе по классам толпились родители.

Какой-то папа закурил.

– Что ж вы тут курите? – накинулась на него чья-то бабушка. – Здесь же школа, а не бордель!

Папа затушил сигарету и долго держал в руках бычок, не зная, куда его деть – урн не было.

Некоторые родительницы что-то живо обсуждали. Очень

хотелось подойти – послушать. Но это как в школе – страшно подойти к незнакомой компании. Я все-таки вспомнила, что взрослая, и подошла. Мамаши тут же замолчали и уставились на меня. Ну точно, как в школе.

– А у вас зажигалки нет? – спросила я первое, что пришло в голову. Надо было спросить про то, когда детей будут выпускать, или сказать что-то про погоду.

– Мы не курим, – сказала за всех одна мама.

Я отошла и встала рядом с папой, который по-прежнему держал в руке бычок.

Детей наконец вывели.

– Товарищи родители, давайте отойдем в сторонку, – громко сказала учительница, легко перекрыв гул толпы.

Мы послушно засеменили за Светланой Александровной.

– Ну как они? Как мой? Нормально? – спрашивали наперебой все.

– Так, родители, успокойтесь, – опять перекричала всех Светлана Александровна, – вы слушаете, как ваши дети! Я не знаю, чем вы слушаете! У половины класса не было цветных карандашей в пенале! Почему вы не собрали пеналы? А у Васи, – Светлана Александровна посмотрела на меня и все остальные тоже посмотрели, – не было ручки!

Я подумала, что сейчас рухнет мир. Как минимум. Страшно было до жути.

– Они их едят, что ли? – продолжала тем временем Светлана Александровна. – Пять минут прошу потратить на про-

верку пенала. Всего пять минут. Больше ничего не прошу.

– Была ручка, даже две, – сказала я обиженно, потому что лично запихивала ему две ручки в пенал.

– Не было, – категорично заявила учительница, – я ему свою давала. И он не сидит. Надо с этим что-то делать. Не так много прошу...

– А мой как? – спросила другая мама.

– И ваш не сидит, – ответила Светлана Александровна, – и ваш тоже, – сказала она бабушке, которая успела только рот открыть. – Так, запоминайте домашнее задание. Страница шесть в прописях. Страница два – в математике.

– Ой, а повторите, пожалуйста, – попросила бабушка, – я прослушала.

– Товарищи родители, повторяю в последний раз. Больше повторять не буду. Страница шесть, страница два. – Светлана Александровна взяла на полтона выше. – Кстати, Вася сделал сразу три урока. А надо было один. Только мишку раскрасить. А он все прописи прописал. Мы с ним поговорили, но вы тоже обратите внимание, – сказала мне она.

Я кивнула, так и не поняв, почему можно было раскрасить только мишку и на что нужно обратить внимание.

– И без опозданий, – велела нам учительница, – приходить нужно к первому звонку, а не ко второму.

Потом ее отвлек папа, который уточнял, каким конкретно должно быть содержимое пенала.

– Дима, Дима! – позвала мама из нашего класса.

– Антон, Антон, – звала бабушка.

Дима, Антон и Вася нашлись на дереве.

– Кто разрешил лезть на дерево? – увидела их Светлана Александровна.

– Это Вася первый начал, – тут же сдали его друзья.

Ситуация была спорная. Вася стоял под деревом, а Дима с Антоном висели на ветках. Так что доказательств не было.

– До свидания, спасибо, – быстро сказала я Светлане Александровне, чтобы еще чего-нибудь не услышать. Дима с Антоном попадали с веток и спрятались за спинами взрослых.

– Так, родители, задержитесь еще на минутку, – сказала учительница. Все застыли. – Если у кого из детей недержание, скажите мне сейчас. Потому что сегодня один попросился, и половина класса бегала в туалет. Отпускать с урока не буду, только на переменах. Отпущу только с недержанием. Поднимите руки, у кого недержание.

Я хотела поднять руку – у меня уже точно недержание начиналось. Да и Вася начал выразительно притопывать.

– Пойдем, – сказала я Васе, и мы быстренько слиняли. – Ну как тебе? – спросила я по дороге.

– Завтрак понравился. Булочка с чаем и банан. Чай вкусный. Ты такой не умеешь делать.

Я тоже любила школьный чай – жидкий и сладкий из огромной эмалированной кастрюли, который наливали суповым половником. А на кастрюле было написано красной

краской: «Чай».

– А в туалет ты ходил? – спросила я.

– Нет.

– Не хотел?

– Хотел. Но когда захотел, учительница сказала, что хватит ходить туда-сюда.

– Ладно, побежали.

– А правда, что папа мне утром сказал?

– А что папа сказал?

– Что я буду учиться одиннадцать лет и это больше тысячи дней?

– Правда.

– А папа всегда правду говорит?

– Да.

– А ты не всегда. Лучше бы ты меня утром отвела.

– Почему?

– Ну, ты бы сказала, что нужно учиться пять дней. Чтобы меня не расстраивать.

Пришли домой. Переоделись.

– Вася, сделай сейчас домашнее задание. А то тебе еще на тренировку идти.

– Не буду.

– Будешь.

– Не буду.

Полчаса мы орали эти вечные «буду – не буду». За пять минут раскрасили цыпленка-уродца и нарисовали кривые

палочки.

– Все, – выдохнула я и швырнула ластик.

– Все, – швырнул тетрадь на пол Вася.

4 сентября

Пока учимся, но уже не хочется

Вставали тяжело. Я хоть и проснулась, но подняться не было сил.

– Может, перейдем на домашнее обучение? – спросила я мужа.

– Подъем! Подъем! Петушок пропел давно! Детки в школу собирайтесь! – раздавался его бодрый крик из коридора. Он держал в руках музыкальную игрушку-петушка, который истошно кукарекал... Убила бы...

Собрались, ушли. Я их проводила, не приходя в сознание.

Пошла забирать... Вася скатился с лестницы, свалил на меня портфель с курткой и умчался под дерево играть с мальчишками в «цуефа», аналог нашей «камень-ножницы-бумага».

– Первый «А», подойдите все сюда, – позвала нас, родителей, Светлана Александровна, – буду давать домашнее задание. Дашенька, дай мне свои тетрадочки, – попросила она у девочки. – Здесь нужно раскрасить, а здесь прописать, – высоко подняв тетради, говорила учительница.

Тетрадь была образцово-показательной. Рисунки аккуратно раскрашены, палочки ровненькие, кружочки один к одному. Дашина мама стояла гордая, как будто это она нарисовала и раскрасила. Васину тетрадь никогда бы не пока-

зали. Я успокаивала себя тем, что есть много достойных людей, которые не только пишут, как курица лапой, но еще и с ошибками.

– А у Тома Круза вообще дисграфия. Или дислексия, я точно не помню, – сказала мне мама Васиного друга Димы. Видимо, она подумала о том же, о чем и я.

Васю с Димой, как самых высоких, посадили на задние парты. Неудивительно, что они подрались, сломали друг другу карандаши и поменялись тетрадами. О чем нам и сообщила Светлана Александровна. Мы с Диминой мамой кивали и говорили: «Они больше не будут». Диминая мама сама виновата – нечего было спрашивать, как они себя вели и что делали.

Вася с Димой тем временем отломали от дерева по ветке и дрались, как на шпагах. Вася бился так, как играет в теннис. Делал замах и лупил смэш. А Дима дрался как мушкетер. Стоял в позиции и даже вскинул левую руку. Оба – мокрые, с торчащими из штанов рубашками. У Димы еще и галстук-бабочка съехал набок и висел, как бант у пуделя.

– Что ж вы делаете? – кинулась к ним какая-то бабушка.

– Это я виновата, – сказала девочка Настя.

С Настей Вася познакомился еще первого сентября. Сегодня они с Димой решили, что Настя – самая красивая.

Светлана Александровна отвлеклась на проблемы активности и неактивности других первоклассников, мы с Диминой мамой дружно сказали: «Пасиб, дсвиданья, Сланасанна»

и прытко поскакали к воротам.

Вася, Дима, Настя и примкнувший к ним Антон висели на заборе. Упитанный Антон высоко не залез. Его бабушка тянула внука вниз за штанину и обещала «надавать по жопе», как только снимет с забора. Антон, понятное дело, слезать не хотел и дрыгал ногой, которую схватила бабушка. Бабушка отцепилась от штанины и надавала ему прямо на заборе, благо попа была рядом, прямо перед глазами.

– Вася, слезай, пойдем домой! – крикнула я.

– Дима, слезай, – сказала его мама.

Няня позвала Настю. А потом был жуткий скандал. Оказалось, что Диме и Насте – в одну сторону идти, а Васе – в другую. Получалось, что Дима провожает Настю.

– Вон, видишь, Настя за угол повернула. Она одна идет, – успокаивала я сына. – Расскажи, что в школе было.

– Нет, с ней Дима! – кричал Вася. – Я тоже хочу Настю провожать!

– Завтра пойдешь, сейчас мы ее уже не догоним, – пыталась договориться с сыном я.

– А Дима? – перестал кричать Василий.

– Что Дима? – не поняла я.

– А если Дима тоже захочет?

– Тогда договоритесь и провожайте Настю по очереди. Чем кормили-то?

– Какавой и кашей. Я не ел, потому что каша была по вкусу как пюре из картошки. А каково мне понравилось. Бабуш-

ка мне такое дает. Мы с Димой поменялись – он мне каково, а я ему кашу.

– Вася, не каково, а какао, – поправила я.

– Какая разница? – не понял ребенок.

– А на уроках? Что делали?

– Не помню. Каково помню, а на уроках не помню.

Домашнее задание опять делали с криками. Вася сказал, что он не будет писать и раскрашивать. Раскрашивают девочки, Настя, например, а они с Димой решили не раскрашивать. И если не написать пропись, то ничего не будет. Светлана Александровна не заметит. Антон не написал, и ему ничего не было.

– А зачем вы тетрадами поменялись? – спросила я, вспомнив рассказ учительницы.

– А какая разница? Там же все одинаковое. Только цыплят мы с Димой в разные цвета раскрасили. Я в синий, а он в зеленый.

– А где вы видели синих и зеленых цыплят? Они же желтые.

– Мне желтый цвет не нравится. И Диме, наверное, тоже.

– Надо сделать домашнее задание. Я не хочу, чтобы тебя Светлана Александровна ругала, – сказала я, когда мы пришли домой.

– Она не будет ругать. Она всем говорит «молодец».

– А ты руку поднимаешь на уроке?

– Нет.

– А почему?

– И так много кто поднимает. Учительнице есть из кого выбрать.

– Но ты же знаешь ответ?

– Знаю.

– Тогда тоже поднимай руку. Как же тогда учительница узнает, что ты знаешь?

– Мама, она же не глупая. Она же учительница. Она про первый класс все сама знает. Я поднимал руку, один раз, только она меня не спросила.

– Потому что вас много.

– Вот и я тебе говорю про это.

– Так, хватит мне зубы заговаривать. Делай уроки.

– А может, потом?

– Потом будет суп с котом.

– С настоящим?

– Нет, присказка такая.

– А что такое присказка?

В общем, он своего добился. Я полезла в книжный шкаф, нашла книжки и долго рассказывала сыну, что такое пословица, поговорка и присказка. С примерами. Чем одно отличается от другого. Сын слушал и играл в рыцарей.

– Так, все, теперь уроки, – сказала я, когда окончила свою лекцию о народном творчестве.

– Я есть хочу, – жалобно проговорил Вася.

– Ладно, пойдем поедим. А потом за уроки.

Мы ели. Вася даже съел две ненавистные ему котлеты – так сильно ему не хотелось идти делать домашнее задание.

– Все? Наелся?

– А чай с тортиком?

– Вася, ты правда хочешь чай или ты время тянешь?

– Правда хочу. – Ребенок смотрел на меня такими голодными и искренними глазами, что я поверила.

– Что ты не пьешь?

– Горячий.

Я подбавила холодной воды.

– Пей.

– Теперь холодный.

Я поставила кружку в микроволновку.

– Не сладкий.

– Добавь сахар.

– А лимона нет?

Когда я рылась в холодильнике в поисках лимона, до меня дошло, что я стала старой и легковерной.

Потом Вася решил убрать книги с пола и собрать своих рыцарей в коробку. Отмазка сработала. А потом у него иссякла фантазия и он, вздыхая, потягиваясь и подволакивая ногу, сел за стол. Еще минут десять ушло на копание в пенале, затачивание карандашей, открывание и закрывание ручки, игру в баскетбол из-под чупа-чупса. Он включал и выключал лампу, надувал воздушный шарик, смотрел в окно, ковырял в носу, разглядывал то, что наковырял. Потом ему

на глаза попались ножницы, и он отстриг ими сначала лист цветной бумаги – по краю, как бахрому, а потом и край тетради по математике.

– Уроки! – призывала я. – Ты так каждый день будешь делать? Давно бы уже закончил.

Потом он написал мне записку, которую можно было читать только с армянским акцентом: «Нибуду нихачу хачу в рыцарев играт».

5 сентября

Втянулись и влюбились

Организм перестроился. Проснулась в семь ноль пять. Сама. Без побудки. Даже испугалась – долго и с недоумением рассматривала циферблат, подозревая подвох.

Мне нельзя вставать так рано – у меня сосуды, обмороки и вообще.

– Ты сама проснулась? – удивился муж. Конечно же, уже чисто выбритый, принявший душ, одетый и позавтракавший.

– Сама удивляюсь, – сказала я.

– Ничего удивительного – ты вчера в половине одиннадцатого уснула. – Муж всегда находит логическое объяснение моим странным поступкам и не менее странным желаниям.

– Неправда, я книжку читала, – возразила я.

– А потом уснула. Вообще-то это миф, что я «жаворонок», – вдруг грустно сказал он, – я – «сова». Просто жизнь такая.

Позавтракали – Вася зависал над тарелкой с хлопьями, и его приходилось будить криками: «Вася, ешь!» Вася дергался, обводил мутными глазами комнату, вспоминая, где он и чего от него хотят. Оделись, отвели в школу.

Пошла забирать... Во дворе уже стояли наши родительницы. Оказалось, что нужно принести свой стаканчик для во-

ды – не стеклянный. Бойлер и одноразовые стаканчики купили, но бойлер сломался, а стаканчики уже закончились. Активистки родительского комитета сказали, что проще ходить со своими. Лучше всего, сказали, купить те, которые для рисования – дешево, красиво (они разноцветные) и не бьются. Желательно подписать, чтобы дети друг с другом не менялись.

– Как их подписать? На них не пишется! – сказала одна мама.

– А вы помните, как раньше было? Наклейте полоску обычного лейкопластыря и напишите на нем, – подсказала бабушка.

Еще дали задание купить пачку бумаги формата А4 и принести из дома по игрушке, пока наши дети на переменах друг друга не поубивали. Родительницы решили устроить детям в рекреации игровой уголок.

– А какие игрушки? – спросила бабушка.

– Развивающие, – строго сказала активистка родительского комитета. – Никаких пистолетов.

– А домино можно? – уточнила бабушка.

– Какое домино? Вы еще скажите карты... – возмутилась активистка. – Нужен палас. У кого есть ненужный палас? – обратилась она к нам.

– Не надо палас. Давайте купим ковролин, – предложила мама.

– Давайте. Кто купит ковролин? – спросила активистка.

Все устали в землю.

– Не надо ковролин, – сказала бабушка, – в нем одна пыль и бактерии. А тем деткам, у кого аллергия, вообще смерть.

– Точно, совершенно верно, не надо ковролин, – загалдели все дружно.

– А давайте стеллаж для игрушек купим? – предложила мама, которую озарило про ковролин.

– Давайте. Кто купит стеллаж? – спросила активистка.

– Вон там папа стоит, – сказал кто-то.

Папе, который явно пришел забирать ребенка не по доброй воле, не повезло. Его окружили женщины и наперебой рассказывали про пластиковый стаканчик, бумагу для принтера, палас и стеллаж. Папа поглядывал куда-то вдаль, понимая, что сбежать и вырваться из этого круга невозможно. Чем кончилось дело – не знаю. Настя отвлекла.

Дети меня вообще за человека не держат. Вне зависимости от возраста.

– Привет, – дернула меня за кофту Настя, – а Васю позови. Пожалуйста.

– Привет. А почему ты сама не позовешь?

– Он там, с мальчишками, – презрительно и одновременно философски сказала Настя.

– Сейчас позову.

– Только побыстрее. А то меня сейчас заберут! – крикнула мне вслед Настя.

– Вася, – подошла я к детскому спортивному комплексу,

на котором висели несколько мальчишек, – тебя Настя зовет.

– Зачем?

– Иди и спроси сам.

– Чего тебе? – нетерпеливо спросил Вася у Насти, когда подошел. Его ждали мальчишки.

– Я уезжаю. Пока, – сказала равнодушно девочка, как будто это не она минуту назад подпрыгивала от нетерпения.

– Пока, – сказал Вася и побежал к мальчишкам.

– А я, между прочим, на машине уезжаю, – сказала Настя.

Эта девочка явно сначала думала, а потом говорила. Я посмотрела на нее с уважением. Вася тут же затормозил, вернулся и пошел провожать Настю.

– А какая у тебя машина? – спросил Вася.

– Не знаю, – пожала плечиками Настя, – я в них не разбираюсь.

Эта девочка мне уже откровенно нравилась. Это ж надо уметь так разговаривать с мужчинами. И актриса! Я, конечно, актриса еще та, но эта малолетняя Брижит Бардо меня бы сделала. Так я и поверила, что она не знает марку машины! Все она знает!

– Так у тебя же «форд»! – воскликнул Вася со знанием дела.

– «Форд»? А ты еще какие машины знаешь? – хлопая ресницами, спросила Настя.

Нет, все, я уже просто млела от этой девчушки. Вася распрямил плечики и начал перечислять марки машин. Госпо-

ди, какие мужчины наивные! Или они уже рождаются идиотами? Надо с Васей поговорить про женщин. Или еще рано? А может, не надо? Вот мой муж до сих пор пребывает в счастливом неведении относительно женского коварства и тоже верит, когда я вот так хлопаю ресницами. Нет, не буду я сына просвещать.

– Пока, – сказала Настя и впрыгнула в машину.

Вася стоял и махал ей ручкой в окошко. Настя делала вид, что не видит. Вася прилип к стеклу и кричал: «Настя, завтра увидимся!»

7 сентября

Отучились неделю

Приехала бабушка. Накупила внуку подарков, нажарила пышек.

– Маша, у Васи вши, – сказала мне мама вечером.

– Мама, какие вши? – Я приехала уставшая и голодная.

– Обычные. Он голову чешет. Ты что, не замечала?

– Мам, ночью комары были, мы даже включали в розетку эту антикомариную штуку. Укусил, наверное.

– Вши, – стояла на своем мама.

– Сама подумай, откуда? Двадцать первый век на дворе, школа приличная, дети все нормальные, дома – чисто.

– Ты все-таки посмотри.

– Ага, еще у него клопы, блохи и глисты.

Мама уехала.

Я все-таки решила посмотреть. Мама у меня слишком часто оказывается права. Точнее, всегда, и от этого я злюсь ужасно.

– Вася, иди сюда, – позвала я сына. Ну, действительно. Комариный укус. Помазала.

Суббота. Вася действительно расчесывал всю голову, а не только место укуса.

Вши. У всех были вши. У меня были. Но я тогда жила в деревне, и вши были не только у меня, а у всего класса.

Регулярно. Мальчиков сразу брили налысо. Девочек, впрочем, тоже. Я тоже хотела быть лысой, но моя бабушка просто коротко меня подстригла. Даже фотография сохранилась – весь класс с одинаковым ежиком на голове, а у меня – жидкие волосенки до плеч. Как я тогда плакала!

Вшей тоже выводили все вместе. Я, например, с подружкой-соседкой Фатимой. Ее тоже почему-то налысо не брили. Так что страдали мы вместе.

Фатима приходила к нам с керосином. За керосин отвечала мама Фатимы. Наливала в консервную банку с недорезанной крышкой. Фатима несла банку за крышку, а мама ей вслед кричала: «Не расплескивай, на жука колорадского не хватит...» Моя бабушка была счастливой обладательницей частого гребня, огромного белого вафельного полотенца и – почти немыслимого сокровища – целлофана.

Бабушка мазала нам с Фатимой головы керосином, заматывала вокруг целлофан, велела не трогать руками и отправляла в огород – собирать с картошки колорадского жука и топить его в оставшемся керосине. Мы хихикали и поскребывались.

Потом нам смывали керосин водой с уксусом. Надо было наклонить голову над огромным старым эмалированным тазом.

– Глаза не открывать! – кричала бабушка.

Очень хотелось посмотреть. Именно в этот момент.

А потом мы сидели на стульях. На столе лежали вафель-

ное полотенце и гребень. На полотенце надо было вычесываться. Мы с Фатимой хихикали, болтали... Приходила бабушка и бралась за наши космы. Было больно и все равно смешно.

Однажды после очередной мойки керосином мы с Фатимой побежали гулять в поле. Там паслась Фатиминая корова – Зайка. Фатима от переизбытка чувств решила залезть на Зайку. Залезла. Ее ситцевый белый сарафанчик был весь облеплен черными точками.

– Попадет? – спросила Фатима, глядя на меня.

– Попадет.

Попало обеим, хоть я и не хватала Зайку.

– На вас керосину не напасешься, – ругалась мама Фатимы, помешивая в ведре кипяток с хлоркой для наших вещей.

Потом бабушка привезла из города такое специальное мыло – вонючее до ужаса. И нас мылили этим мылом.

Это было давно. В деревне. В прошлом веке.

Я как-то была не готова к тому, что вши заведутся у моего сына. То есть я готова была подумать на нервный тик, усиленную работу мозга – да что угодно...

Позвонила нашему домашнему врачу Ларисе.

– У нас вши, – вместо «здрасьте» сказала я.

– Пусть это будет самой большой вашей проблемой, – философски заметила Лариса.

– А что делать?

– Купить шампунь. И помыть голову.

– Надо прокипятить все, – сказал муж, – что-то я тоже стал чесаться.

– И я. Во всех местах.

– Может, нам тоже нужно этим шампунем? Откуда вши? Не понимаю.

– У кого-то в классе, – сказала я.

– Надо сказать учительнице!

Я представила эту картину. Стоим мы на школьном дворе, и учительница поставленным громовым голосом сообщает: «Товарищи родители, у одного мальчика педикулез. Обратите внимание». И все шушукаются: «У кого, у кого?» И ведь не докажешь, что это не у нас первых началось, а у кого-то другого.

– Нет, не будем говорить, – категорично заявила я.

– Интересно, а у кого в классе вши? – спросил муж.

Вот. Это-то меня и пугает. У нас одна мама какой-то чужой родительнице сказала, что с нас собрали деньги. И сумму озвучила. Чужая родительница сказала другой родительнице, а та сообщила своей учительнице. Учительница доложила завучу. Был скандал. Фамилию мамы никто не называл, но все откуда-то знали. Мама извинялась, оправдывалась, но ей никто не верил. Активистки родительского комитета с ней до сих пор не дружат. Мама, собственно, ничего плохого не имела в виду... так, разговор поддержала.

Васе мы тоже не сказали, что у него вши. Сказали – раздражение. Потому что Вася бы всем тут же об этом расска-

зал. И рассказывал бы еще полгода знакомым и незнакомым. В подробностях.

Кстати, в аптеке, куда я побежала за шампунем, мне полегчало. Около кассы стоял роскошный южный мужчина в дорогом костюме и пытался объяснить, что ему надо.

– Мазь для ушей? – не понимала провизор.

Мужчина сердился и краснел.

– Малэнкие такие, по голове бэгают, чесаться хочэтся, сын в школу пошел, – горячился мужчина и на себе показывал, как хочется чесаться.

– Шампунь от вшей, – перевела я провизору.

Мужчина взглянул на меня с благодарностью.

– И мне то же самое, – сказала я провизорше. Она чуть в обморок не грохнулась.

11 сентября

Психология и жизнь

– Задержитесь, пожалуйста, на минуточку, – сказала мне учительница, когда вывела детей после уроков. На всякий случай я повертела головой – а вдруг не мне? Мне.

Пока давали домашнее задание, я прокручивала в голове варианты беседы. Вася подрался, устроил истерику, не ответил на вопрос. Или все-таки вши?

– Давайте отойдем, – взяла меня под локоть Светлана Александровна.

– Мне нужно... – начала лепетать я. Можно было сказать, что у меня работа, дела, суп на плите, живот болит, голова, к врачу надо...

– Вася неправильно держит ручку, – шепотом сказала учительница. – Обратите внимание. Поправляйте его дома. Знаете, куда должен смотреть кончик ручки?

– Куда? – испугалась я, все еще не веря, что речь идет не о чем-то ужасном, а о ручке.

– В плечо. – Светлана Александровна показала на мое плечо. – И пальцы должны быть, как клювик. Понимаете?

– Нет, – честно ответила я.

– Клювик. – Светлана Александровна сложила пальцы на воображаемой ручке и пошевелила указательным пальцем, изображая клювик. – А Вася держит тремя пальцами. Вот

так, – учительница показала как, – это не клювик.

– Хорошо. Буду поправлять. Спасибо. А вообще он как?

– Ничего не могу сказать. Не лучше, не хуже других.

В тетрадке для прописей было написано «Старайся!» с восклицательным знаком. А обещали писать только «молодец» и «хорошо». Было обидно. Мы старались. Нужно было написать «заборчик» по образцу. «Заборчик» вышел кривенький – я как раз Васе ручку в плечо направляла, вот у него он и уехал. Зато ниже мы исправились. Написали эти палочки еще раз. Красиво. Вася не хотел еще раз писать, а я ему сказала, что учительница увидит и обрадуется, что он исправился. Она то ли не обратила внимания, то ли не обрадовалась.

– Что делали в школе? – спрашиваю я его каждый день.

– Ничего, – отвечает сын.

– Совсем ничего?

– Надоело раскрашивать. Все время раскрашиваем.

Открыла портфель. Ну ничего не меняется. Все – тетради, пенал, мешок со сменкой – в яблоке. Давали на завтрак. Вася откусил и бросил огрызок в портфель. Судя по яблоку, на портфеле он сидел, лежал и, наверное, стоял. Оттирала тетради. Просила больше не класть огрызки в вещи.

На следующий день та же картина. Только тетради не в яблоке, а в сливе. Мыла портфель.

– Вася, я же тебя просила...

– Ты про яблоко просила, а это слива, – сказал сын.

Хорошо, что им не нужно класть с собой бутерброды. Мне мама давала в школу. С сервелатом. Запах держится еще неделю. Пятно на тетрадке остается на год. Самое интересное, что я эту колбасу ненавидела и ни разу за все время бутерброд не съела. Но кому я скармливала колбасу – не помню. Светлана Александровна сказала, что еду давать, конечно, можно, но лучше не надо. Они друг у друга откусывают.

Васю из школы я не встречала. Пошла няня.

– Ну как? – спросила я ее.

– Все нормально, – ответила няня.

– Нас не ругали?

– Нет, других мам ругали. За то, что карандаши не поточены и тетради они забыли.

– Мамы забыли?

– Нет, дети.

– Понятно.

– А еще сказали, что с детьми будет беседовать психолог и каждую маму вызовут и дадут рекомендации по воспитанию. Попозже. Когда составят на каждого ребенка план.

Я думаю, может, не ходить больше в школу? А няня пусть скажет психологу, что у меня температура. Или я на работе. Ведь могу же я быть на работе с температурой? Могу.

– Вась, а что у вас психолог спрашивал? – спросила я сына.

– Не помню.

– Совсем не помнишь?

– Ну, так.

– А ты ей что говорил?

– Ничего. Молчал.

– Почему?

– Потому что вопросы были неинтересные.

– Надеюсь, ты психологу этого не сказал?

– Она что, сама не понимает?

Могу себе представить, что она подумала. Аутизм, к психологу не ходи.

14 сентября

Сдаем деньги и пишем на партах

Васю забирала няня, поэтому я временно выпала из школьной жизни. Но позвонила родительница и сказала, что опять нужно сдать деньги. На уборщицу и на ремонт.

– А мы уже сдавали. Пять тысяч, – сказала я.

– Еще по пять надо. Будем еще рекреацию ремонтировать, – сказала родительница.

Я, конечно, обзвонила всех – мужа, маму.

– В классе двадцать пять человек. Даже если двадцать сдали по пять тысяч, то уже получается сто. Куда еще? – возмущалась я.

– Ты что, не будешь сдавать? – спросила мама.

– Не знаю. Но ведь нужно спросить, куда дели деньги?

– Лучше не связывайся. Там найдется кто-нибудь, кто спросит. А Васе еще в этом классе учиться.

Пошла сдавать деньги. Активистка родительского комитета стояла и разговаривала с мужчиной в костюме.

– Так сколько нужно сдать, я так и не понял? – спрашивал мужчина.

– По пять плюс семьсот на уборщицу и еще пять, – отвечала она.

– Так пять или десять?

– Пять или десять. Просто некоторые родители сдали по

десять. А одна электрика стоила сорок. Кто может, тот сдает.

– Хорошо, каждый по пять умножить на двадцать пять, а остальные деньги? – пытался подсчитать папа.

– Канцтовары, подарки и цветы учителям на День учителя, вот тут у нас все записано. – Активистка показала ему тетрадку с записями.

– Так, вот вам пять тысяч, – сказал мужчина.

– Вы больше не можете? – посочувствовала родительница.

– Я? – возмутился он. – Могу. Но сейчас не могу.

– Вот чем больше у людей денег, тем они жаднее, – фило-софски заметила активистка. – За каждую копейку удавятся.

Я кивнула. Хотя у меня не так много денег, я тоже очень хочу удавиться за каждую копейку.

– Давайте я вам еще три тысячи отдам, – сказала я. Успокаивала я себя тем, что папа сдал всего пять, а я – целых восемь.

Вышла учительница. Сказала, что нужно принести пластилин и пластилиновый коврик. И никто не спросил, что это такое. Наверное, все знали. А я постеснялась уточнять.

– Вася, тебе в школе нравится? – опять пристала я к сыну.

– Нравится, – сказал он.

– Тебе интересно?

– А это как?

– Ну, это когда тебя что-то удивляет, радует и хочется придумать что-то свое.

– Эх, мама, вот если бы мы были рыбами, а учительница –

акулой, было бы интереснее. Или если бы нам вместо каши давали лягушек, тогда бы было интересно. А так что придумаешь? Уже все за нас придумали. Только девочка меня спасает.

– Какая девочка?

– Которая передо мной сидит. Я забыл, как ее зовут.

– И как она тебя спасает?

– А когда я ее пеналом по голове бью или линейкой, она очень смешно делает – ложится на парту и голову закрывает. Даже когда я ее не бью, а только руку поднимаю, она сразу на парту ложится.

– А зачем ты ее бьешь? Девочек нельзя бить.

– Но ей же нравится. Если бы не нравилось, я бы не бил. Мы так играем.

– Ты мне покажешь эту девочку?

– Нет, не покажу.

– Почему?

– Она тебе не понравится.

– С чего ты взял?

– Тебе же Настя нравится. А эта девочка, она совсем на Настю не похожа.

– А тебе кто нравится – Настя или эта девочка?

– Вообще-то Настя. С ней хоть подраться можно. Знаешь, она какая? Я ее пеналом ударил, и она меня ударила. Я ее линейкой. И она меня линейкой. Сильно, – пустился в воспоминания сын. – Но Настя далеко сидит. А эта девочка ря-

дом. Я же не могу выбирать.

– В каком смысле? – перепугалась я. Я решила, что у Васи начались проблемы с девочками.

– Ну, парту. Я же не могу выбирать себе парту. Кстати, у меня хорошая парта. Знаешь, что я на ней написал?

– Что?

– Кикимора.

– На партах писать нельзя, – сказала я.

– Где-то я уже это слышал, – задумался ребенок.

– А что еще новенького?

– Мама, ну что там может быть новенького? Там уже все старенькое. Даже учительница.

15 сентября

Мы замумукались и вырубаемся

Это какой-то кошмар. Организм отказывается перестраиваться. Я больше не могу вставать по утрам! Хочу спать! Все время хочу спать! Мне кажется, я так не хотела спать даже тогда, когда Вася был младенцем. А младенцем он был чудовищным – неспящим и орущим. Конечно, я тогда была моложе, азартнее и здоровее. Но по моим подсчетам, у меня уже должна была начаться старческая бессонница – когда просыпаешься в пять утра и не можешь уснуть. Но она почему-то не начинается. А так много успела бы сделать.

Смотрели с Васей «Смешарики». Так там заяц Крош засыпает от хлопка в ладоши. И все время спрашивает: «Почему я вырубаюсь?» Вот я тоже хожу, как Крош, и спрашиваю у мужа: «Почему я вырубаюсь?»

Утром муж сказал, что сам соберет ребенка. А я могу не вставать.

– Спи, спи, – заходит он на цыпочках в спальню, – только скажи, какую ему рубашку надевать.

Выбор небольшой – две штуки. И Вася – не девочка. Ему вообще по фигу, в рубашке он пойдет или в пижаме.

– Спи, спи, – опять зашел муж, – а где стоит молочный суп на завтрак?

– В холодильнике.

– Я его там не нашел.

Встала, достала молочный суп, разогрела, нашла рубашку. Заснуть снова не получилось.

Муж отвел сына в школу. Вернулся.

– Как дошли? – спросила я.

– Знаешь, его так жалко. Ноги заплетаются. Упал в траву. Лежал и не двигался. Что там в его портфеле? Вася даже встать не мог под таким грузом. Я его за шкурку поднимал.

Я живо представила эту картину. Лежит мой мальчик, уткнувшись носом в асфальт, под грузом знаний.

– Надо ложиться спать раньше, – сказала мне мама. Я ее чуть по телефону не укусила. Как будто я сама не знаю, что надо делать.

Утром я вообще сама не своя. Сегодня надо было позвать ребенка завтракать. Я с недосыпу забыла, как его зовут. Пришла в комнату и говорю:

– Как зовут?

– Вася, – испуганно ответил ребенок.

– Точно. Пошли завтракать.

Как в том анекдоте, когда алкоголик просыпается утром, а жена зовет его: «Петя, иди завтракать!» «О, Петя...» – вспоминает алкоголик.

Муж сварил кофе и сам его выпил. Я плохо помню, но, по-моему, я сказала, что пойду с ним разводиться.

Поехала в магазин за продуктами. И на обратном пути заснула прямо за рулем. Очнулась одним колесом на бордюре.

Мне казалось, что я только моргнула. Пришла домой, бросила пакеты в коридоре и легла спать.

– Мама, почему ты спишь? – спросил Вася.

– Потому что я рано встаю.

– Нет, это я рано встаю. Ты ведь в школу не ходишь, – обиделся сын и тоже завалился спать.

У меня много дел – надо подписать коробку с пластилином и пластилиновый коврик, при ближайшем рассмотрении оказавшийся обычной пластмассовой дощечкой. Между прочим, дефицитная вещь. Еле нашла. Продавщица в канцтоварах советовала брать сразу два, потому что больше не завезут.

Мне перестали звонить подруги и знакомые. Потому что на стандартный вопрос «Как дела?» я как подорванная начинала рассказывать про прописи, школьные завтраки и про то, как какую-то бабушку отругали за то, что ее внучка читает только по слогам, а нас не отругали – мы читаем бегло. При этом я жду в ответ не менее бурной реакции, а мне все мычат: «Ну да, ага, ладно, потом перезвоню».

Мужа тоже жалко. Он подрастерял свой бодрый задор и повторяет как заведенный: «Что-то я замумукался». Вася, цепляющий все с языка, далеко не ушел. Из школы он принес слово «круто». От меня он ввел в оборот «мило».

– Вася, неси сам свой портфель, – говорю я.

– Мама, что-то я замумукался, – ответил сын.

Причем этих трех слов ему хватает, чтобы выразить свои

эмоции. Сварила его любимые макароны.

– Мило, – говорит сын.

Помогла сделать из палки лук.

– Круто, – поблагодарил сын.

– Вася, ты что, Эллочка-людоедка?

– А Эллочка ест людей? – вытаращил глаза Вася.

Оказалось, что в его классе есть девочка – Эллочка. И как я ни пыталась пересказать сыну в доступной форме Ильфа и Петрова – не убедила.

– А сегодня она в школе капусту такую оранжевую с колбасой ела, – задумчиво сказал Вася. – Может, она дома людей ест? Завтра спрошу. Круто.

На следующий день Вася заявил:

– Мама, Эллочка людей не ест.

– Ну слава Богу.

– А знаешь почему?

– Почему?

– Потому что она – Элечка, а не Эллочка. Я перепутал. Замумукался.

18 сентября

Уроки демократии

– Знаешь, мама, я хочу назад в животик, – произнес Вася по дороге из школы домой.

– Почему это?

– Потому что там все понятно.

– А что тебе в жизни не понятно?

– Много чего. Вот, например, почему учительница всегда наказывает того, кого увидит? А того, кого не увидит, не наказывает?

– Это как?

– Я вот ударил мальчика, и меня в коридоре поставили. А его нет. Хотя он меня тоже ударил.

– Но ведь ты, наверное, первый начал?

– Да, первый. Но я его в живот бил, а он мне в глаз дал. В глаз больнее. – Вася действительно щеголял свежим фингалом.

– А из-за чего ты его ударил?

– Да из-за ерунды всякой. Из-за игрушки, – презрительно ответил сын.

– Тем более, из-за ерунды нечего драться.

– Но мне так хотелось! – воскликнул Вася.

– Мне тоже иногда хочется кого-нибудь в живот ударить. Но я же не дерусь.

– А сильно хочется? – уточнил с уважением Вася.

– Сильно.

– И ты не бьешь?

– Нет.

– Круто.

Дома чем-то подозрительно пахло. Запахло еще в лифте, потом пахло на лестничной клетке. И в квартире тоже.

– Чем пахнет, не пойму, – приняухивалась я. При этом подозрительно пахло оттуда, где находился Вася. – Вася, ты зубы утром чистил? – строго поинтересовалась я.

– Чистил.

– А руки сейчас помыл?

– Помыл.

– Странно.

А ничего странного. Вася стал выгружать портфель – тетради, пенал, раздавленная, естественно, груша. И – давно, очень давно сваренное яйцо.

– Вася, что это?

– Яйцо.

– Я вижу. Давно оно у тебя в портфеле валяется?

– Давно.

– А почему ты его не достал?

– Мама, я его тебе принес. А ты все меня отвлекала с уроками. Вот я и забыл.

Дело в том, что уже две недели, как Василий осознал свои демократические права – на личную собственность и част-

ную жизнь. Он не разрешает мне заглядывать в его портфель. Собственно, это я виновата. Вася залез в мою сумку и выпотрошил косметичку.

– Вася, в чужие сумки лезть нельзя.

– Почему?

– Правило такое. Можешь найти то, что детям знать не обязательно.

– Хорошее правило. А портфель – это сумка?

– Сумка.

– Моя?

– Твоя.

– Тогда ты тоже в мой портфель не лезь. Можешь найти то, что взрослым знать не обязательно.

Но после протухшего яйца Вася торжественно разрешил мне доставать мусор из портфеля.

19 сентября

Школьная экономика

Вася пришел из школы грустный.

– Что ты грустный такой? – спросила я.

– Плохо. Все плохо, – сказал сын.

Мне, конечно, очень хотелось ему рассказать, что такое хорошо, а что такое плохо. Что-то вроде – мне бы твои проблемы с почерком! В этот момент Вася был очень похож на своего отца, который, держась за голову, рефлексировал. Не хватало только виски со льдом, а так – никакой разницы.

– Что плохого? – поинтересовалась я.

– Настя уже два дня в школу не ходит, – ответил сын.

– Придет. Обязательно придет, – пообещала я, – ты из-за этого расстроился?

– Нет. Из-за того, что она не ходит, а я хожу. Плохо это.

– Это все твои горести?

– Нет. Еще одна осталась.

– И какая?

– Хочу на продленку.

В мое время продленка была наказанием. Как пятидневка. Мама обещала оставить меня на продленку, если я чего-то там не сделаю. Мы думали, что на продленке над детьми издеваются. Во-первых, их куда-то уводят. Во-вторых, они всегда приходят со сделанными уроками. В-третьих, продленку

вела наша учительница труда, которую мы все боялись. Надежда Петровна. Она была очень-очень странная. Не помнила, кого как зовут. И каждый раз с искренним интересом знакомилась заново. За ухом она носила сигарету. Мы думали, карандаш, но дети с продленки сказали, что это сигарета. Надежда Петровна ела мел – совершенно точно, я сама видела. Откусывала от мелка и жевала. И самое странное – у нее был целый набор пластилиновых ножичков. Точнее, ножичков для пластилина. Она их никому не давала. И если ей не нравилась поделка, она шла к своему столу, выбирала ножичек, возвращалась, зажав пластмассовое орудие убийства в кулаке, и кромсала какого-нибудь снеговика или птичку. Жуть. И еще. У наших продленочников все тетради были исполосованы красными черточками. Они рассказывали, что если Надежда Петровна видела ошибку, то покрашенным ногтем ее подчеркивала. Лак Надежда Петровна предпочитала ярко-красный.

– Зачем тебе продленка? – спросила я Васю.

– Там мультики показывают, – ответил сын.

– Дома тоже мультики есть.

– Там другие. И дети там ничего не делают. Только смотрят мультики.

– Ладно, посмотрим. А что купил?

Дело в следующем. Вася обнаружил в школе киоск. И попросил купить то ли часы, то ли улитку – я так и не поняла. Мы договорились, что он посмотрит, сколько это дело стоит,

и мы купим вместе. У Васи есть свой кошелек. Грубо говоря, копилка. Просто все никак кошку с прорезью в башке ему не куплю. Вот мы и решили, что он наконец возьмет «свои» деньги и потратит. Но Вася все забывал, и проблема как-то рассасывалась. Но тут он решил, что завтра точно купит эту совершенно необходимую вещь. Потому что все мальчишки из его класса уже купили.

Я долго ему рассказывала про ценность денег, про то, как они зарабатываются непосильным трудом. Вещала долго и с воодушевлением.

Утром в школу его отводил папа. На пороге Вася вспомнил, что забыл взять из кошелька деньги, и собрался идти назад. И что сделал муж? Естественно, дал ему денег. Сколько? Сто рублей.

– А почему сто рублей?

– А что, больше надо было? – удивился муж.

Я выразительно закатила глаза. Я удивляюсь, что он Васе тысячу не дал. С утра-то, когда спать хочется.

Нужной вещью оказалось печенье, похожее на собачий корм. Такие пахнущие химией подушечки.

– Попробуй, – предложил сын.

– Ты уверен, что это можно есть?

– Да, у нас все ели.

– А ты сам-то ел?

– Нет. Я такое не ем.

– И сколько эта гадость стоила?

– Десять рублей.

– А сдачи тебе дали?

– Дали. Десятками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.